

по следам громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 40 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

**Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой

В МОЕЙ РУКЕ - ГИБЕЛЬ

ТАТЬЯНА ·
СТЕПАНОВА

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С11

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Груздева*

Дизайн обложки *Е. Елькиной*

Редактор серии *А. Антонова*

Литературный агент *Ольга Рубис*

С11 **Степанова, Татьяна Юрьевна.**
В моей руке — гибель : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-109751-6

Жуткие события происходят неподалеку от Москвы: одно за другим находят мертвые тела людей, чудовищно изувеченные, просто растерзанные. И местные жители жалуются, что стали пропадать домашние животные, а еще кто-то зверски убивает собак... Ползут слухи об оборотне, человеке-звере. Начальник «убойного отдела» Подмосковья Никита Колосов с самого начала подозревает, что появился новый жестокий маньяк, убийца-серийник. Журналистка Катя почти что согласна с ним, но ее мучают ужасные сомнения. Она догадывается, где искать маньяка, но ей страшно поверить своим догадкам...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т. Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109751-6

Пролог

По ночному разбитому весенними дождями проселку тащилась старая облупленная «Волга», из тех, что доживают свой век в источенных ржавчиной гаражах. На крыше — багажник, а на нем — доски и картонки. В салоне — узлы, тюки и прочий дачный скарб. За рулем — старик в очках, суконной кепке и со слуховым аппаратом. Рядом на сиденье — по всему видно — его спутница жизни в теплой кофте и по-комсомольски повязанной цветной косынке, прикрывающей жидкий перманент. Мотор «Волги» натужно хрипел, словно поднимал машину на крутую гору и никак не мог одолеть подъем.

— Нет, так не пойдет. Я все же взгляну, что там, — старичок затормозил и решительно полез из машины. — Может, масло подтекает? А то ведь не доедем.

Его жена, зевая, взглянула на часы: половина четвертого утра, темная стена леса по обочинам шоссе, тусклый свет фар едва пробивается сквозь плотную пелену тумана.

— И стоило только в такую безбожную рань подниматься, — она снова зевнула, наблюдая за мужем. Тот открыл капот и деятельно склонился над мотором. — Ну что, совсем встали?

— Нет, нет, сейчас, Шурочка. Я тут только кой-чего законтакчу... Не волнуйся.

Женщина, ежась и кутаясь в кофту, вышла, обогнула машину и засемила к кустам на обочине. Шаги ее глухо отдавались в тумане. Потом они стихли. Но вот зазвучали снова — тяжелые, торопливые.

— Там кто-то есть, — прошептала она. — Поехали отсюда.

— Сейчас, сейчас, — старик со слуховым аппаратом продолжал колдовать над мотором.

— Я тебе говорю: там кто-то есть. Был. Я видела. В лесу, в

ельнике... И там тошнотворно пахло... — Она с силой захлопнула дверцу «Волги».

Муж ее вернулся за руль.

— Вечно ты все выдумываешь. Креститься надо, знаешь ли, когда... — возразил он вяло. — Кто там может быть в такую рань? Для грибников не сезон — какие в мае грибы? А для деревенских...

— Какие деревенские, — женщина настороженно и испуганно вглядывалась в выступающую из тумана темную полосу леса. — Я же объясняю тебе: ТАМ КТО-ТО БЫЛ. И... и я испугалась... Поехали отсюда, ради бога, скорее, ну!

Старик завел мотор. «Волга» натужно тронулась с места. Жена его то и дело оглядывалась назад. Оглянулся и он. Что это? Ему померещилось, что какая-то тень мелькнула в тумане, пересекла шоссе и пропала, точно растворилась во мгле.

— Бомж, наверное, бродяга, — проворчал он. — Мало ли их сейчас шляется? С вокзалов кочуют, с помоек... Весна ж, всякая тварь шебуршится, потому что теплынь стоит и...

Его жена молча полезла в «бардачок». Старик увидел, как она торопливо сыплет себе на ладонь белые колесики нитроглицерина. Руки ее дрожали. Одна таблетка скатилась на сиденье.

С востока потянуло предутренним ветерком. Пелена тумана сдвинулась, открывая небо. Над лесом недвижно застыл белесый диск луны. Спросонья пискнула в чаще птаха. За ней следом еще одна, еще. Кто-то потревожил их сон. Потом настало мгновение абсолютной тишины. Потом ее нарушил странный звук — хлюпанье, всплески, словно какой-то зверь шумно утолял жажду на водопое. Звук доносился из глубокого оврага, заросшего по склонам молодой порослью осин, берез, рябин и боярышника, окутанных дымкой первой зелени. По глинистому дну оврага струился жиденький ручей — остатки талой воды. В яме, образовавшейся под корнями рухнувшей от старости трухлявой березы, вода скапливалась, образуя крохотное озерцо.

Возле ямы можно было смутно различить какую-то приземистую тень, припавшую к воде. Вот тень шевельнулась, на мгновение оказавшись в лучах лунного света, пробивающегося сквозь листву. Это был человек, обнаженный по пояс. Он наклонился и, набрав в грудь воздуха, окунул голову в воду. Затем начал отфыркиваться, кашлять. Брызги с него летели в разные стороны, когда он тряс головой, торопливо зачерпы-

вая пригоршнями талую воду, и плескал себе на грудь, на плечи, словно смывая с себя что-то.

Лунный свет заиграл бликами на воде, тронутой рябью. Когда рябь исчезла, стало заметно, что по воде все дальше и дальше расходуется черное маслянистое пятно.

Человек ополоснул в ручье руки, поднес ладони к лицу. Вода смыла все. На то она и вода. Но запах остался. Человек поднялся. Одним прыжком перемахнул через поваленную березу и неторопливо зашагал по дну оврага. Походка его была бесшумной и мягкой. Цепляясь за стволы и корни, выступающие из глины, он ловко вскарабкался по обрыву. Замер на секунду, прислушиваясь. Где-то далеко за лесом послышался паровозный гудок. Там была маленькая дачная станция. Человек отлично знал ее название. Утро вступало в свои права — к перрону прибывала первая утренняя электричка.

Человек вздохнул полной грудью. Никогда еще ему не было так хорошо. Ветерок донес запахи: аромат клейкой листвы, лопнувших на деревьях почек, влажной древесной коры, земли, молодой хвои, дыма, дальнего человеческого жилья и тот неистребимый аромат, что все еще оставался на его коже — на губах, груди, руках, — солоноватый, терпкий, его нельзя было спутать ни с чем другим. А так же еще один — не запах, а призрак запаха, доносившийся из чащи с той стороны леса, рассеченного пополам проселочной дорогой. Он шел оттуда, где всего полчаса назад останавливалась старая «Волга» с глохнувшим мотором. Это был липкий тошнотворный запах гниющей плоти. Плоти, некогда заботливо прикрытой дерном, сухими ветками и палой листвой. ТО был зов ПРОШЛОЙ ДОБЫЧИ.

Человек посмотрел на луну. Она походила на залепленный катарактой подслеповатый глаз. Возможно, луна следила за ним. Он согнулся и бесшумно скользнул в чащу: серая тень в предутренней мгле. Только тихо качнулись ветки елей. С них упали на землю дождевые капли.

БРОШЕННАЯ ПУШКА

Неожиданные происшествия имеют обыкновение обрушиваться нам на голову в самое неподходящее время. По закону подлости так случилось и на этот раз. Катя Петровская приехала в Раздольский отдел внутренних дел по самой банальной служебной надобности: сделать репортаж о завершившейся в этом районе Подмосковья профилактической операции «Меркурий», связанной с пресечением нарушений правил торговли на потребительском рынке. В качестве криминального обозревателя пресс-центра областного ГУВД Катя должна была регулярно освещать подобные операции на страницах «Вестника Подмосковья».

Дело было так: они сидели в кабинете начальника отдела милиции подполковника Спицына и мирно беседовали под включенный диктофон, как вдруг настоящим громом среди ясного неба грянул звонок из дежурной части и...

О том, что убит именно Игорь Сладких, Катя узнала только в машине. Услышав от дежурного рубленую лаконичную фразу «**заказное убийство**», она решила, что **уж на этот раз** во что бы то ни стало окажется на месте происшествия одной из первых, раньше следователя прокуратуры, раньше опергруппы из Главка, и узнает все из первых рук, даже если вежливый подполковник Спицын наотрез откажется взять ее туда с собой. Однако на ее осторожную просьбу начальник Раздольского ОВД отреагировал молниеносно и весьма оригинально:

— Вы, Екатерина Сергеевна, на машине?

— У нас «жигуль» пресс-службы, а за водителя наш оператор, — пылко заверила Катя.

— Тогда подбросьте нас с моим замом туда, — Спицын смущенно хмыкнул. — Ситуация с машинами у нас — швах, Екатерина Сергеевна. Все на ремонте. Дежурная уже с опергруппой туда уехала, разыскные без бензина, лимит, чтоб его черти взяли! Так что — услуга за услугу.

— О чем речь! Так кого же убили? — Катя снова украдкой включила диктофон в сумочке.

Услышав фамилию Сладких, она от удивления едва не присвистнула по-мальчишески. Игорь Сладких считался в Подмосковье фигурой скандально известной. Кем он только

не успел побывать за свои тридцать восемь лет! Кадровым офицером спецподразделения КГБ — в конце восьмидесятых, председателем правоохранительного фонда «Щит и Закон» — в начале девяностых, затем руководителем кооперативного объединения «Сельхозпродукт», затем владельцем сети винно-водочных торговых точек на территории Раздольского, Павлово-Посадского и многих других районов, затем крупным водочным фабрикантом, затем депутатом Госдумы от блока экономически независимых кандидатов, основателем и бессменным председателем республиканской партии свободного предпринимательства, насчитывающей в своих рядах двадцать кооптированных членов, затем...

На последних выборах в Госдуму партия и блок Сладких с треском провалились: среди претендентов оказались люди с темным криминальным прошлым, и, после того как все это просочилось в печать, разгорелся скандал. В результате и сам Сладких не прошел по одномандатному округу как независимый кандидат. Помимо всего вот уже четыре месяца налоговая полиция собирала на Сладких материалы о злостном уклонении от уплаты налогов, а областная прокуратура плотно интересовалась его персоной по другому, еще более серьезному поводу. Фамилия Сладких прямо фигурировала в уголовном деле, возбужденном по факту убийства в Раздольске двух активных членов Михайловской ОПГ. «Бичей» среди бела дня расстреляли возле своей машины из автомата.

Сладких не отрицал того, что присутствовал на месте убийства. По его словам, он и его охранник в той ситуации действовали строго в пределах необходимой обороны, когда группа «хулиганов», как было заявлено Сладких на допросе следователю, «покушалась на его честь и достоинство». По показаниям Сладких, убийство было на совести его охранника, который в момент конфликта с «хулиганами» завладел автоматом, находившимся в руках одного из них, и «случайно» произвел из него выстрелы. Вся сложность проверки, однако, подобных утверждений бывшего депутата заключалась в том, что на второй же день после героического сражения с «неизвестными хулиганами» молодец-охранник загадочным образом отдал концы: вроде бы нетрезвый переходил улицу, и его сшибла машина. Ее так и не нашли.

И вот теперь концы отдал и сам Игорь Сладких. Из скурых объяснений подполковника Спицына Катя поняла, что подмосковного водочного короля угрохали самым традицион-

ным способом: киллер дождался, когда его жертва появится из подъезда собственного дома. Сладких не успел дойти до своего джипа, его сразила пуля, меткая и беспощадная.

— Сейчас все на месте узнаем, — мрачно пообещал Спицын. — Соседи из дома напротив вроде слышали выстрел. Там панельная многоэтажка — шесть подъездов.

Труп Катя увидела сразу, едва они въехали во двор дома № 18 по проспекту Текстильщиков. В этой раздольской новостройке, по словам Спицына, Сладких три месяца назад купил три квартиры на одном этаже, сломал перегородки и затеял в просторных апартаментах евроремонт. Квартиры имелись у него и в Москве, и где-то за границей, как поговаривали. К тому же новый загородный дом-дача под медной крышей рос-возводился в живописнейшем уголке района в экологически чистой зоне на берегу Клязьмы. И вот все это благосостояние в одночасье лишилось своего хозяина и владельца.

Сладких лежал лицом вниз на асфальтовой дорожке в нескольких метрах от новенького джипа. На затылке справа в темном ежике остриженных по-модному волос Катя увидела багровые сгустки. Пуля поразила бывшего депутата в голову навывлет. Неизвестному киллеру потребовался всего один выстрел, обошлось без контрольного.

Вроде бы все было как обычно, как и на прежних осмотрах места происшествия, а Катя в силу своей профессии повидала их на своем веку, но... Она не задавала лишних вопросов, чувствовала: сейчас всем этим важным деловитым «профи» — следователю прокуратуры, судебному медику, Спицыну и его подчиненным не до нее. Не до пустых разговоров. Как и все, она ожидала самого главного: установят ли место, откуда стреляли? **ОБНАРУЖАТ ЛИ ОРУЖИЕ?** Пока она старалась держаться поближе к оператору — тот трудился как робот, уже предвкушая, что кадры, отснятые в Раздольске, уже сегодня днем обойдут все телеканалы.

И вот в самый напряженный момент ожидания ее отвлекло прибытие на место происшествия двух новых действующих лиц.

Это были Никита Колосов и Ренат Халилов. Первый — начальник отдела по раскрытию убийств Главка (хотя он, как было известно Кате, всего неделю назад ушел в отпуск), а второй, Халилов...

Они встретились взглядами, и уже в следующую секунду

Катя почувствовала себя несколько дискомфортно: верзила Ренат, не скрывая своей радости, шагнул к ней, обнял за плечи и смачно чмокнул в щеку. Что-что, а обниматься и целоваться над бездыханным телом на глазах у перепуганных понятых и собирающихся во дворе дома зевак Кате казалось как-то уж чересчур. Обыватель скажет: вконец милиция оборзела — им уже и смерть нипочем.

Однако своей радости от встречи с Ренатом она скрыть не могла даже при таких удручающих обстоятельствах. И потом... чего нельзя человеку «при погонах», то доступно человеку... Увы, Ренат уже не принадлежал к кругу ее коллег. Шесть лет назад все было по-другому. Катя Петровская в то время работала следователем в Каменском отделе, а Халилов был там начальником ОУР. Но планиды небесные к нему явно не расположились.

Короче говоря, он сел. И по самой крутой статье — за умышленное убийство. Дело было на 9 Мая. Каменский розыск всю неделю работал по усиленному варианту. А после сдачи дежурства сыщики, как водится, отметили Праздник Победы в своем кругу. Возвращаясь домой, а жил он тогда в коммуналке в центре Каменска возле площади Героев Панфиловцев, Ренат увидел, как возле памятника павшим в боях за освобождение Подмосковья остановилась иномарка, из нее вывалились трое пьяных и... Как деликатно упоминалось впоследствии в материалах уголовного дела, эти граждане «совершали непристойные действия, грубо нарушая общественный порядок». Проще говоря, иномарчники, надувшись пивом, не дотерпели до дома и облегались прямо на газон, окружающий памятник. Халилов начал «пресекать» безобразие. Ну и пресек на свою же голову. Сначала оскорбления, потом драка, трое пьяных на одного... не совсем трезвого начальника розыска, затем... Затем прогремел выстрел. Ренат отлично владел табельным оружием — один из хулиганов получил пулю в грудь и скончался на месте. Остальные бежали, бросив иномарку. Суд посчитал все происшедшее умышленным убийством. Роковую роль в его решении сыграл тот факт, что у Рената оружие было, а у нападавших не было, и то, что он — сотрудник милиции, капитан, должностное лицо — оказался в момент инцидента «в состоянии алкогольного опьянения».

Ему дали семь лет лишения свободы, отбывал он срок в спецколонии для сотрудников правоохранительных органов,

где некогда побывал и Юрий Чурбанов. Через пять лет за примерное поведение его выпустили досрочно, и вот теперь...

Катя вспомнила, как они встречали Рената сразу после освобождения в Домодедовском аэропорту: туда приехали почти все каменцы. Все те, с кем она дружила до сих пор, кто на долгие годы стал для нее своими, тылом, «землей», с которой она и пришла в областной Главк. Им тогда и в голову не приходило, что их отношение к Халилову — человеку уже оттуда, из зоны, отбывшему срок и в одночасье потерявшему все: любимую работу, погоны, весь привычный уклад жизни, — может как-то измениться только потому, что он сел из-за каких-то подонков. Они встретили его тогда так, как встречают близкого человека после долгой разлуки. И по его взволнованному лицу Катя видела, что означает для Халилова подобная встреча.

С тех пор изгоем в привычной среде Ренат себя не чувствовал. В органы, увы, официальная дорожка стала для него заказанной, а неофициальная... В общем-то, было не трудно догадаться, кем он стал. Работал у Колосова на связи, выполнял поручения определенного рода в тех рамках, которые очерчивает для сотрудников-конфидентов «Закон об оперативно-разыскной деятельности». Катя изредка встречала его в Каменске и в других районах. Ренат все время был в каких-то разъездах. «Он опер до мозга костей, Катюша, — как-то сказал про него Кате один мудрый человек. — Разве опером человека форма делает? Это же стиль жизни. Судьба».

Последний раз, помнится, они виделись совсем уж в неожиданном месте — в каменской церкви на прошлую Пасху. Халилов — потомственный татарин — крестился в православную веру. Катя не знала, что это случилось сразу же после его «командировки» в Таджикистан. Там, в церкви, впервые рядом с Халиловым Катя увидела и Никиту Колосова.

Маленький серебряный крестик был на Ренате и сейчас, виднелся на могучей груди в разрезе полурасстегнутой по причине жаркого дня рубашки. Катя едва успела опомниться от горячего приветствия, как Халилов заметил (совершенно цинично, как ей в тот миг показалось):

— Хлопнули Игоряшу. Допрыгался живчик наш.

Она насторожилась: что это? Происшествие вроде бы и не явилось новостью для Рената. Не явилось неожиданностью это убийство (судя по его сосредоточенному, однако весьма уверенному виду) и для начальника «убойного» отдела.

Катя молча наблюдала за Колосовым. Тот всецело был поглощен разговорами со следователем прокуратуры и Спицыным. Потом к ним подбежали несколько оперативников, и вся группа быстро направилась в третий подъезд многоэтажки. Неужели что-то нашли? Катя хотела было шмыгнуть следом, но ее удержал поставленный в дверях подъезда патрульный.

Разъяснений ждали долго. Видимо, в доме шел осмотр. Когда Колосов наконец вернулся во двор, по его лицу Катя опять-таки догадалась: начальник отдела убийств увидел на месте, откуда стреляли в Сладких (а это могло быть установленное местонахождение киллера в момент, когда он брал на мушку бывшего депутата), нечто для себя весьма важное и существенное.

Кате он только молча и сухо кивнул. Но она не обиделась на него за невнимание. Вся обратилась в слух. Однако фраза, брошенная Колосовым Халилову, мало что объясняла.

— ОН, без сомнения, — сказал Колосов. Халилов кивнул. И они поспешили к машине так быстро, словно дальнейший осмотр трупа и места, допросы свидетелей, слышавших выстрел, их более не интересовали.

И тут Катя решила. Она чувствовала: эти двое знают гораздо больше, чем хотят показать, а потому...

— Ренатик, подожди, пожалуйста. — Она бегом догнала Халилова. Колосов уже сел за руль своей белой «семерки», и вид его был совершенно неприступен. — Ренат, там что... вы нашли оружие, да? Оружие бросили? А вы знаете, кто убийца? Знаете, ну скажи?

Халилов наклонился к ней.

— Он бросил пушку, — шепнул. — Он всегда сразу от них избавлялся, скотина. Но сегодня он так поступил зря, Катюша. Неосмотрительно поступил.

— Какую пушку, Ренат? Там его отпечатки, да? На винтовке? На автомате? На пистолете?

— В том-то все и дело, **какую пушку**, Катюша, — Халилов извиняюще улыбнулся — увы, мол, больше не скажу ничего, не могу, — однако он был добр, как все крупные и сильные мужчины, а поэтому решил утешить Катю, дав ей призрачный надежды на успех: — Будешь скоро писать статью о раскрытии этого непотребства. Помни: все дело **в марке оружия**. Бах-бах, и на этот раз будет мимо — дай нам только срок.

Когда «семерка» уже почти скрылась из виду, до Кати на-

конец-то дошло, что Ренат намекнул ей на главную улику в этом деле, по которой будет установлен (или уже установлен?) человек, всего два часа назад застреливший другого человека.

Глава 2

ПОБРАТИМ

Насчет того, что убийство Сладких будет раскрыто и не далее как (если повезет) в самые ближайшие сутки, Колосов был готов поспорить с любым скептиком на ящик пива. И дело заключалось совсем не в хвастливой самонадеянности и переоценке собственных способностей. Фокус был в том, что **на этот раз** он и вправду без дураков знал по этому делу ВСЕ, почти полный расклад: то, что убийство заказано михайловской группировкой, то, что бывшего депутата Госдумы застрелили из винтовки «кольт-спортер» с оптическим прицелом, то, что винтовка эта еще накануне вечером «ушла» по неустановленному каналу из подмосковного Пушкина. А самое главное — ему на этот раз было известно имя того, кто всего два часа назад держал эту самую импортную винтовочку в руках, обтянутых перчатками.

В Сладких стреляли через слуховое окно с чердака в третьем подъезде. Это оказалась самая выгодная позиция для снайпера: с чердака просматривался весь путь от подъезда до машины — девять метров асфальтовой дорожки, которую жертва должна была пройти от дверей подъезда до припаркованной машины. Тот, кто поджидал здесь Сладких, видимо, основательно ознакомился с его привычками. Сладких, хоть и заделался в последнее время свободным предпринимателем, собственный трудовой график соблюдал предельно жестко — большую часть дня безвылазно проводил в офисе, под который арендовал особняк в центре Раздольска, прежде принадлежавший горкому комсомола. И лишь в обеденный перерыв, с половины второго до половины третьего, Сладких позволял себе тратить время на личные дела.

Последнюю неделю он заезжал на проспект Текстильщиков, где производил инспектирование бригады, проводившей в его «апартаментах» ремонт. Сегодня, как установили сотрудники милиции из опроса рабочих, все было как обычно:

работяги закончили циклевку полов, и Сладких приехал лично принимать работу. Прибыл он без четверти час, двадцать минут находился в квартире, затем отправился обедать. Работяги слышали одиночный выстрел, раздавшийся спустя минут пять после его ухода. «Точно новогодняя хлопушка бухнула, — рассказывали они. — Мы, понятно, к окну, а шеф уже на асфальте ногами дрыгает. Агония у него жуткой была, в муках человек кончался».

Винтовку, из которой был сделан этот прицельный выстрел, сотрудники Раздольского ОВД нашли прямо на месте: на чердаке, аккуратно прислоненную к стене. То, что на самом оружии нет ничего, всем было ясно как день. Тем не менее винтовочку тщательно осмотрели, опылили, запаковали и отправили для дальнейших детальных исследований в экспертно-криминалистический отдел.

Кстати, осмотр чердака потребовал от опергруппы почти титанических усилий — туда было просто не войти, дух захватывало. А все от перца, который был заботливо рассыпан кем-то по всему полу, дабы навсегда отбить охоту у тех, кто будет тут искать следы и улики, применить служебно-разыскную собаку. Уловка для киллеров не новая и почти всегда бесполезная.

Когда Колосов вошел на чердак, ему почудилось, что в рот ему насыпали горячих углей, но он мужественно выдержал пытку, рассматривая «орудие преступления». Сомнений быть не могло: ЭТО ТА САМАЯ ВИНТОВОЧКА. И дело даже заключалось не совсем в ее марке «кольт-спортер». Главное, что ее отличало от других винтовок в мире, — глубокая, примерно двухсантиметровая, царапина — борозда на оптическом прицеле. Та самая особая примета, по которой эту пушку и охарактеризовал для опознания источник информации, сотрудничавший с Ренатом Халиловым.

В этом деле они с Халиловым шли, как говорится, «от пушки». Этот путь, часто весьма малоэффективный при раскрытии заказных убийств, на этот раз сулил серьезную удачу. И это всецело была заслуга Халилова. Работать с ним вообще было для Колосова **легко и приятно**. Бывший опер, отсидевший срок, обладал (причем с лихвой) тремя важными качествами: Ренат не был трусом, не был трепачом и не был дураком. И эти три «не» чрезвычайно импонировали Колосову.

Когда они ехали в Раздольск, после того как стало известно о гибели Сладких, Никита честно размышлял: не ошибся